

ЧЕТЫРЕ ВЕКА

Большая площадь старого города над Днепром заросла травой. Здесь было тихо и чинно. Над собором екатерининских времен вились ласточки. Проезжала, шурша по гравию шинами, коляска со старой барыней среди подушек, с бородатым кучером и бритым лакеем на козлах. Степенно стоял рослый городской, и ветер с Днепра, пролетев над садами и парками, шевелил его роскошные подусники. Здесь все – даже почтительный прохожий – было похоже на старинные гравюры.

Сейчас же на склоне начинался новый город. Он тянулся вдоль нескончаемого бульвара длинной кишкой, упиравшейся в пыльный вокзал. В новом городе было нее самое новейшее, что можно было придумать. Дома – стеклянные, бетонные, с вывесками в три этажа. Пестрыми и живыми красками на этих вывесках были изображены – восточные сладости, дамы в мехах и кавалеры в хорьковых шубах, граммофоны, золотые штиблеты, паровые машины и сельскохозяйственные орудия, целые локомотивы, ремингтоны, все, что нужно для фотографа, и так далее, словом, вся улица с головы до ног была покрыта живописью.

Пылили автомобили, гремели ломовики, чистильщи" ки на углах стучали щетками, вращали глазами; кричали, толкались, спорили, торговались на тротуарах греки, армяне, евреи, турки, французы, кацапы, хохлы. С утра и до сумерек новый город кипел, как котел с адским варевом...

Наверху, в старом зеленом городе, был покой. Ударял гулко и торжественно колокол к вечерне. К собору, не спеша, проходили строгие чиновники, отставные генералы, умильные старушки. Подъезжала коляска. Городовой козырял.

Покойно было в одном из белых домов на площади, там, где вот уже больше полувека живет семья Лесновых. Широкий подъезд на улицу закрыт наглухо; окна занавешены шторами. Со стороны площади дом кажется запустевшим. Если войти в ворота, удачно миновать цепную собаку и завернуть в небольшой парк, – глазам откроется задний фасад с портиком, облезлыми коричневыми колоннами, давно не крашенный и живописный.

Окна в нижнем этаже и в мезонине открыты, занавеси подняты, колонны и веранда обвиты плющом, от замшошших широких ступеней уходят дорожки в глубину парка. Удоды, иволги, скворцы, дикие голуби поют и пересвистываются в листве до заката, когда начинают кричать древесные лягушки. Да еще слышны – соборный колокол, и дальние свистки пароходов, и женский смех иногда то из парка, то из глубины мезонина. От этих-то звуков и заперты окна второго этажа.

Во втором этаже живет бабушка, Авдотья Максимовна, старая барыня. Ее прежде очень боялись губернаторы (теперешние боялись совсем не ее и совсем не этого). Вице-губернаторы первым делом по назначении привозили ей жен своих на поклон; старый, матерый полицеймейстер так прямо и говорил: "Страх человеку в пользу, и на сей предмет живет у нас барыня Лесно-ва, черт ее знает – поглядишь на нее в соборе, в двенадесятый, и сразу почувствуешь все свои обязанности".

Замуж вышла Авдотья Максимовна очень юной, родила мужу дочь – Варвару Петровну, и вскоре осталась вдовой: муж ее, Петр Лесков, твердо веря, что крепость России в православии и дворянстве, не захотел, подобно многим, напускать на себя французского духу, вместо освобождения выпорол крестьян обоего по- ла, за что и был ими сожжен вместе с усадьбным домом, успев накануне гибели послать нарочным Авдотье Максимовне в город письмо, где излагал свои принципы и взгляды. Это письмо и было единственным, что осталось от мужа и от прежней жизни.

Авдотья Максимовна выучила письмо наизусть, как символ веры, раз навсегда отказала всяким искателям руки, преломила молитвами, постами, хождениями к печерским угодникам страсти и стала в губернии самой решительной барыней, с которой очень считались.

Дочь свою, Варвару Петровну, воспитывала она наперекор новым веяниям, по старине, сугубо и строго; заставляла мыться ледяной водой, часами стоять на коленях перед божницей, запретила смеяться, потому что умному и верующему человеку ке может быть смешно, приказала вытвердить письмо отца и запомнить, что отступление хотя от одной буквы есть смертный грех.

В ужасе выросла Варвара Петровна и в смиренном сознании постоянной своей вины. Затем ей нашли жениха, из небогатых дворян, но с хорошей